

Предисловие Николая Старикова

ГЮСТАВ ЛЕБОН — ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЧИТАЮТ ВЕЛИКИЕ ПОЛИТИКИ

Искусство управления людьми делится на две части: управление (манипуляция) отдельным человеком и управление массами людей. Французский социальный психолог и социолог Гюстав Лебон (Gustave Le Bon) является одним из наиболее ярких основоположников психологии управления народами. Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини и многие другие политики, достигшие значительных успехов в этой непростой сфере, читали его работы. Из них наиболее яркая та, которую вы держите в руках — «Психология масс».

Эта книга достойна того, чтобы ее просто разобрать на цитаты. Удивительно, но работа, написанная около ста лет назад, звучит так, как будто ее закончили вчера. Это происходит потому, что люди не меняются. Не меняется их психология, а значит, и способы воздействия на нее остаются неизменными. Именно поэтому, читая давно умершего французского психолога Лебона, вы увидите, что и сегодня его идеи при-

меняются для воздействия на массы людей. Идеологи рекламы и идеологи «оранжевых» революций не сами придумали методы воздействия на толпу, эти методы описаны задолго до их появления на свет. «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ, в свою очередь, вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым», — говорит Лебон. Реклама и политические призывы и есть образы, которые чаще всего никак не связаны с реальностью. Отсюда рекламные ролики, наделяющие товары невозможными свойствами. Съел йогурт — и все девушки тебя полюбили, помыла голову шампунем — и все молодые люди «складываются в штабеля». А образ страны, в которой нет коррупции и воровства, — насколько это соотносится с реальностью? Десятилетия включения в общество приоритетов служения Родине, а не потребления, — вот путь к искоренению этого зла. От перемены фамилии президента эти проблемы не исчезнут враз. Но во всем мире «борьба с коррупцией» стала тараном сокрушения государств, под флагом борьбы со всем плохим и за все хорошее. И это ничто иное, как манипуляция целыми народами в интересах третьих стран.

Однако сто лет назад Гюстав Лебон уже дал ответ «борцам за свободу», чьи кураторы от Бразилии до Украины выводят сотни тысяч людей «бороться с коррупцией»: «Нужны целые века для образования какого-нибудь политического режима, и точно так же нужны века для его изменения. Учреждения сами по себе не могут быть ни хороши, ни дурны, и те, которые

гиозные верования и нынешние социальные и демократические идеи.

Основные идеи можно представить себе в виде массы вод какой-нибудь реки, медленно развивающей свое течение, тогда как преходящие идеи — это маленькие волны, постоянно изменяющиеся и возмущающие поверхность большой массы вод; эти волны не имеют действительного значения, но более заметны для глаз, нежели движение самой реки.

В настоящее время великие основные идеи, которыми жили наши предки, стали расшатываться; они потеряли всякую прочность, и вследствие этого глубоко поколебались также и все учреждения, опирающиеся на эти идеи. Мы наблюдаем ежедневно образование мелких преходящих идей, о которых я только что говорил, но весьма немногие из этих идей развиваются далее и могут приобрести выдающееся влияние.

Каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категорическую и простую форму. В таком случае эти идеи представляются в виде образов, и только в такой форме они доступны толпе. Такие идеи-образы не соединяются между собой никакой логической связью аналогии или последовательности и могут заменять одна другую совершенно так, как в волшебном фонаре одно стекло заменяется другим рукой фокусника, вынимающего их из ящика, где они были сложены вместе. Вот почему в толпе удерживаются рядом идеи самого противоречивого характера. Сообразно случайностям

минуты, толпа подпадает под влияние одной из разнообразных идей, имеющихся у нее в запасе, и поэтому может совершать самые противоположные действия; отсутствие же критической способности мешает ей заметить эти противоречия.

Такое явление, однако, не составляет специального свойства толпы; его можно заметить у многих изолированных индивидов, и не только у первобытного человека, но и у всех тех, которые какой-нибудь стороной своего ума приближаются к нему, например у последователей какого-нибудь резко выраженного религиозного верования. Я наблюдал это явление у ученых индусов, воспитанных в наших европейских университетах и имеющих дипломы. На незыблемых основных религиозных или наследственных специальных идеях у них положен был слой западных идей, нисколько не изменивший прежних основ и не имеющий с ними никакой родственной связи. Под влиянием случайностей минуты, те или другие из этих идей выступали на поверхность, вызывая соответствующие поступки и речи, и один и тот же индивид мог на этом основании представить самые резкие противоречия. Впрочем, все эти противоречия больше кажущиеся, нежели действительные, потому что лишь одни только наследственные идеи обладают такой силой в изолированном индивиде, что могут руководить всеми его поступками. Только тогда, когда вследствие скрещивания человек очутился под влиянием различных наследственных импульсов, его поступки на самом деле становятся

противоречивыми. Было бы лишне настаивать здесь на этих явлениях, хотя их психологическое значение и очень важно; но я думаю, что нужно по крайней мере десять лет наблюдений и путешествий для того, чтобы их понять как следует.

Идеи, доступные толпе лишь в самой простой форме, для того, чтобы сделаться популярными, часто должны претерпеть глубокие изменения. В области философских и научных, более возвышенных, идей в особенности можно заметить глубину изменений, которые необходимы для того, чтобы эти идеи могли постепенно спуститься до уровня понятий толпы. Изменения эти находятся в зависимости от категории и расы, к которым принадлежит толпа, но всегда имеют упрощающий и понижающий характер. Вот почему, с социальной точки зрения, не существует в действительности идейной иерархии, т. е. более или менее возвышенных идей. Уже одного факта проникновения идеи в толпу и выражения ее в действиях бывает достаточно, чтобы лишить ее всего того, что способствовало ее возвышенности и величю, как бы она ни была истинна и велика при своем начале.

С социальной точки зрения иерархическая ценность идеи, впрочем, не имеет значения, а принимать во внимание надо только ее последствия. Средневековые мистические идеи, демократические идеи прошлого века, современные социальные идеи нельзя назвать очень возвышенными. С философской точки зрения нельзя не считать их довольно прискорбными заблуждениями, а между тем их роль была и будет очень велика, и они

долго будут считаться самыми существенными факторами в поведении государств.

Но даже когда идея претерпела изменения, сделавшие ее доступной толпе, она все-таки действует лишь в том случае, если посредством известных процессов, о которых речь пойдет в другом месте, она проникла в область бессознательного и стала чувством, а на это требуется всегда довольно продолжительное время.

Не следует думать, что идея производит впечатление, даже на культурные умы, лишь в том случае, если доказана ее справедливость. Легко убедиться в этом, наблюдая, как мало действуют даже самые непреложные доказательства на большинство людей. Очевидность, если она очень бросается в глаза, может быть замечена каким-нибудь образованным индивидом в толпе, но новообращенный, находясь под властью бессознательного, все-таки очень быстро вернется к своим первоначальным воззрениям. Если вы увидите с ним через несколько дней, то он вам снова представит все свои прежние аргументы и в тех же самых выражениях, так как он находится под влиянием прежних идей, сделавшихся чувствами; эти-то последние служат глубокими двигателями наших речей и поступков. В толпе происходит то же самое.

Когда посредством известных процессов идея проникает, наконец, в душу толпы, она получает непреодолимую власть над нею и порождает ряд последствий, которые приходится переносить. Философские идеи, приведшие к французской революции, потребовали целое столетие для того, чтобы укрепиться в душе

толпы. Известно уже, какую непреодолимую силу они приобрели после того, как укрепились. Стремление целого народа к приобретению социального равенства, к реализации абстрактных прав и вольностей расшатало все троны и глубоко потрясло западный мир. В течение целых двадцати лет народы устремлялись друг на друга, и Европа пережила такие гекатомбы, которые могли бы испугать Чингисхана и Тамерлана. Никогда еще миру не приходилось наблюдать в такой степени результаты владычества какой-нибудь идеи.

Нужно очень долгое время для того, чтобы идеи укрепились в душе толпы, но не менее времени надо и для того, чтобы они исчезли из нее. Поэтому-то толпа в отношении идей всегда отставала на несколько поколений от ученых и философов. Все государственные люди знают в настоящее время, как много ошибочного заключается в основных идеях, о которых я только что говорил, но так как влияние этих идей еще очень сильно, то государственные деятели вынуждены управлять согласно принципам, в истинность которых они сами уже не верят более.

2. РАССУЖДЕНИЯ ТОЛПЫ

Нельзя утверждать абсолютным образом, что толпа не рассуждает и не подчиняется рассуждениям. Но аргументы, употребляемые ею, и те, которые на нее действуют, принадлежат с точки зрения логики к тако-